

ХРИСТИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПАРАДИГМЫ¹

Священник АНДРЕЙ ЛОРГУС*

Автор, рассматривая проблему соотношения классической и христианской психологии, предлагает свое понимание отличительных особенностей этого нового для современной науки направления, формулируя их как расширение предметности, гуманизацию, энергичность, ипостасность (личностность). Автор трактует предмет христианской психологии как «жизнь души», всесторонне раскрывая это понятие и сопоставляя его с понятиями классической психологии: «психика» и «психические функции». Особенно подчеркивается ипостасное понимание христианской психологией психической реальности, а также изучение опыта душевной жизни как онтологически многоуровневого явления.

Когда человек счастлив, он поет, веселится и ликует.
Когда человеку плохо, он плачет, страдает и мучается.
Когда человек заблудился, он сам ищет выход или
просит о помощи.
Что делать, если человеку нужен тот, кто может его
понять? К кому обратиться?
К Богу. К священнику. И к психологу.

Человека можно понять и познать как с помощью религии, так и с помощью науки. Совместимы ли наука и религия, психология и христианство? Может быть, как раз на пересечении классической психологии с древнехристианским опытом и богословским гнозисом возможно наиболее полно понять, объяснить, описать и научить человека?

¹ Доклад, сделанный на конференции по гуманистической психологии в августе 2005г. в г.Таганроге.

* *Иерей Андрей Лоргус* – декан факультета психологии Российского Православного Университета во имя апостола Иоанна Богослова, священнослужитель РПЦ.

В результате такого пересечения и возникла христианская психология – новый для классической психологии взгляд на человека. Новый – для отечественной психологии, но не для 2000-летней христианской культуры. Пристальное внимание мыслящей Евразии к человеку, явление гуманизма, персонализма, да и самой психологии, как науки о душе, возникло в недрах христианского сознания. Само христианство такую задачу не ставило – это был, скорее, спонтанный процесс, навеянный духом Евангелия, чем доктринальное устремление. Верно также и то, что христианство не сразу разглядело в себе потенциал христианского гуманизма. Богословие слишком долго было занято собственно теологией, учением о Боге. Антропология, а тем более психология только в XX веке становятся актуальными богословскими дисциплинами.

Однако по духу Евангелия, по духу опыта святых отцов, по духу византийского богословия христианство антропологично и психологично. С христианской точки зрения психология является одновременно искусством и наукой познания души.

Итак, христианская психология традиционна для религии и нова для современной науки. Ее новизна заключается в расширении научной предметности, гуманизации, энергичности, ипостасности. Рассмотрим эти понятия.

Расширение предметности – здесь речь идет о пересмотре антропологической субъектности. Если в классической психологии предметом является субъектность высших психических функций, то христианская психология рассматривает не только то, что является выражением функции, но и то, что ей предшествует и что существует вне ее – допсихическое и внепсихическое.

Гуманизация – понимается отчасти как индивидуализация и персонализация человеческого опыта – нет психического вне личного. Только сам человек, конкретная личность может иметь реальный психический и психологический опыт. Не существует средних психических данных, нет психической функции вообще, вне меня. Кроме того, нет моего опыта без моего отношения к нему. Личность и есть главный интерпретатор и главный исследователь опыта.

Энергичность – является альтернативой субстанциальности психического. Сознание, например, есть только форма бытия душевного действования. Нет мышления вне души. Мышление и есть душа, понимаемая в этом смысле только как форма действия, «процесса», «навыка».

Ипостасность, персонализм, личностность – понятие личности требует расширения его границ, включая допсихический, в том числе пренатальный опыт, а также мистический и мистико-интуитивный опыт,

без которого, например, невозможна ассимиляция духовного опыта Православия (исихии).

Как соотносится классическая, в том числе отечественная, психология с тем, что мы называем христианской психологией? Поиск ответа на этот важнейший вопрос может столкнуть нас с критикой, по крайней мере, с двух сторон.

Во-первых, представители классической психологии никому не позволяют обесценить и редуцировать ее научный и антропологический потенциал, ее теоретические и практические достижения, ее исторические заслуги. В то же время важнейший антропологический опыт – богословие, аскетика, исихазм – просто не вмещаются в прокрустово ложе классической психологии. При всем желании невозможно ассимилировать этот опыт в традиционной, научно-позитивистской психологии.

Во-вторых, очевидно, что христианство, как и вся мировая культура, немислимо без мистического и духовного опыта, тогда как и этот опыт человечества никак не вписывается в рамки классической психологии, если только не рассматривать атеистические попытки просчитать психологию религии.

Первый подход, скорее, методологический, второй – предметно-мировоззренческий. Таким образом, христианская психология нуждается в расширении психологической предметности, по сравнению с классической психологией.

Новая предметность

Новая предметность означает расширение предмета психологии за счет новых смыслов: мистического, глубинного, духовного, но главное – за счет душевного, понимаемого как жизнь сотворенной Богом души.

Все эти традиционно христианские термины могут вызывать неприятие у психологов. Требуется немалая работа, чтобы соотнести содержание понятий мистического, духовного, душевного с понятиями психического, сознательного, а также бессознательного, и затем ассимилировать их в психологию. Эта задача вполне осуществима, ибо сопоставление аскетического и психологического опыта, например, с опытом психотерапевтическим дает стойкое ощущение, что в святоотеческую эпоху психотерапия уже существовала. Читая монашеские наставления, нельзя не заметить глубокое знание не только жизни души, но душевных глубин, то есть того, что сейчас принято называть бессознательным. На основании таких сопоставлений некоторые психологи используют термин «святоотеческая психология», что простительно, но не соответствует действительности.

Может ли мистический опыт быть понят в психологическом дискурсе? Что мы называем мистикой? Если только область, не поддающуюся осмыслению, вербализации, то едва ли мы, психологи, можем об этом говорить. Мистическое не познаваемо в той психической действительности, которую изучает традиционная психология. Мистическое не опосредовано высшими психическими функциями – мышлением, речью, сознанием и пр. Мистическое нельзя описать через интуицию, восприятие образов, галлюцинации или иллюзии.

Мистическое, по своей сути, является событием иного мира в мире нашем, сверхъестественного в естественном. Само мистическое не является областью психического, однако тесно соприкасается с ним, переплетается, формирует и воспитывает важнейшие области психического: веру, страхи, сверхсознание, любовь, творчество. Связь мистического с психическим и личностным может быть развита более или менее, но она есть в душе каждого человека. Сам мистический опыт лишь отчасти является областью внутреннего человека, но он вторгается в душу, в жизнь человека, властно захватывает его. Конечно, человек вправе отвергать окружающее его мистическое.

Для нас важно другое – какова же область соприкосновения мистического и психического? Мистическое предстает нам в психике в виде особых переживаний, особых форм сознания, особых форм знания. Но что передается таким образом? Опыт «иног». Это «иное» не антропологическое, не вещественное, не биологическое, не социальное. «Иное» мы можем понимать, как область реального сверхъестественного. Но если это не человеческое, то какое дело психологии до области, границы которой простираются за пределы антропологического горизонта? Зачем нужна эта реальность в психическом, в личностном?

Христианская психология исходит из того, что человек есть житель обоих миров – естественного и сверхъестественного. Человеку так же свойственно быть причастником мира горнего, как и дольнего, социального, как и мистического. Без мистики человек – лишь *homo sapiens*. Психическое, понимаемое как связь мистического, антропного и социального, постигает человека неизмеримо глубже – как демидурга, как сына Божьего, как сотрудника Творца, как равноангельного деятеля, а не только как индивида и субъекта исторического процесса. Кроме того, есть специфические формы душевной жизни, такие, как вера, молитва, покаяние, чувство греха, которые могут быть предметом христианской психологии. Ни молитва, ни вера, без связи мистического и психического, невозможны.

Новые исследования, основанные на таком подходе, уже проводятся на факультете психологии Российского Православного Университета им.

Ап.Иоанна Богослова². Нам удалось, хотя бы отчасти, говорить о мистических и духовных явлениях, как о психологических предметах. Сейчас мы можем обозначить контуры будущих теорий «среднего уровня», которых пока остро не хватает.

Как мы понимаем духовный опыт? Это, как и мистическое, не есть всецело человеческий опыт. В духовности душа оказывается максимально открытой системой, в которой велико присутствие «иного», общение с «иным» является здесь главным «процессом». Однако, в отличие от мистического, это «иное» – вертикальной перспективы. Это общение по оси Бог – человек. Эта ось перпендикулярна по отношению к миру вещей и миру социума, к миру психического. Это общение в сфере духа. Оно может быть понято так же, как общение с «другим» у М.Бахтина, как общение с любимым, но главное – это общение с Богом. Кроме открытости, духовный опыт может быть охарактеризован как событие перехода на иную ступень онтологии. Оставаясь человеческой, в духе душа обретает не свойственные ей по природе (падшей природе) энергии, свойства, качества, имеющие внеантропологическую, духовную природу. Это качества или энергии человека нового, как говорят христианские мистики, обоженного. Человека во Христе.

Насколько же эти качества антропологически познаваемы? Насколько психологичны? Если углубиться в аскетический опыт христианских подвижников, то окажется, что он, непостижимым образом, психологичен и даже терапевтичен.

Духовное представляется неопишваемым и беспредметным с точки зрения науки, но его преломление в душе и в психике оказывается вполне предметным, вполне осязаемым. Это – покаяние и познание, просветление и сознание, молитва и рефлексия, и многое другое. Иными словами, как и мистическое, духовное познается в человеке в душевных и психических формах как явление, но не как собственная природа. Мы не можем познать ни природу этих явлений, ни их зависимость от условий. Даже последствия их мы не можем «просчитать». Но мы можем наблюдать эти явления, мы можем их описывать и изучать.

Но зачем это нам нужно? Ответ прост: слишком многое в нашей жизни совершается как событие духовное – вера, надежда, горе, страх, постижение невидимого. Все это, наряду с традиционно понимаемым психическим, составляет полноту нашей жизни.

² Так, например, положено начало исследованиям молитвенного опыта в деятельностном подходе, а опыт покаяния изучается в психотерапевтическом аспекте. Есть и иные исследования, которые соединяют психологические методы с духовной предметностью.

Душа

Предмет психологии есть душевная жизнь или жизнь души. Сама душа не является предметом психологии, так как она – творение Бога, и потому есть предмет богословия, христианской антропологии.

Душа проявляет себя как жизнь, как силы и способности, как необузданная ничем иным активность и креативность. Однако, не душа чувствует, мыслит, действует, но человек. Душа есть энергия, действие – непрерывное, бесконечное, неутомимое, духовное, нематериальное.

Мы понимаем душевное как отличное от психического. Все, что изучает классическая психология, от ощущений до психических аспектов личности, не есть душевное, хотя душевное отчасти проявляется в психическом, с ним связано, соприкасается, пересекается, сотрудничает. Но это не одно и то же. Душа и психика лежат на разных онтологических уровнях.

Душа есть духовная антропологическая данность, духовная природа человека, имеющая присущие только ей свойства. Именно эти свойства делают человека человеком. Человек жив – это значит, что он – душа живая. Быть живой душой не значит быть психическим. Природа души лежит вне антропологической реальности, тем более, вне реальности психической. Но именно в душевной жизни человека начинается психическое.

Душа, в соответствии с богословским ее пониманием, есть, прежде всего, жизнь. Быть живым – не тавтология, быть живым – первая и актуальнейшая задача человека со времени сотворения его Богом: «...И стал человек душою живою» (Быт 2:7). Быть живым – значит, быть человеком и, значит, быть духовным существом. Противоположное тому есть смерть, причем не только смерть биологическая, но смерть духовная. Духовная смерть и есть смерть души, не онтологическая смерть, исчезновение, но смерть как погибель души. Такая погибель, о которой говорит Библия и опыт христианства, хорошо известна в психологической практике – это бессознательное стремление к смерти, наркомания, алкоголизм, суицид, аутоагрессия, бессмысленный риск и прочие виды духовных болезней. Эти болезни не излечимы психически, но излечимы духовно, если только врачом их является Подлинный Врач – Создатель души.

Быть живым – духовная задача, которую «решает» и младенец еще до своего рождения, и юноша, и старик. Но такие «решения» не являются психологическими решениями. Христианская психология включает их в область духовного опыта, и потому считает доступными психологическому анализу, но при посредстве несколько иного терминологического инструментария.

Душа не может быть одна. Она создана Богом для общения с Ним и с себе подобными. Каждая душа по природе своей, то есть по природе духа, устремлена к общению в широком смысле слова. Поэтому на психическом уровне мы находим стремление к установлению общения еще раньше психических форм общения. Ребенок стремится к общению с матерью так мощно, как будто он давно с ней знаком и долго скучал по ней. Такое, допсихическое, стремление к установлению контакта, раскрывается в психическом как неизменная данность, определяющая всю дальнейшую судьбу социализации. Однако мы знаем, что негативный опыт ведет младенца к свертыванию общения, к аутизму, к возвращению в допсихическое, в замкнутость в себе. Но и в этом случае человек продолжает быть живым, то есть продолжает быть душой живой.

Душа человека устремлена по своей природе к познанию, творчеству, любви и персонализации.

Стать богоподобной личностью – вот главная экзистенциальная задача и сверхличное предназначение человека. Психическая личность, которая понимается нами как одна из форм бытия человека, есть один из онтологических уровней, на котором могут осуществиться особые качества человека как личности, как со-трудника Творца.

Важно понять, что личность не есть результат саморазвития. Личность есть данность и заданность бытия человека. Каждый человек – личность. Но личностью психической он может стать лишь в результате своего актуального развития. Но это – уже результат выбора и бытия души. И выбор этот имеет, как мы уже говорили, допсихическое происхождение. Это есть жизнь души.

Душа и душевная жизнь

Душевная жизнь есть многоуровневое проявление души как энергии, свойств, сил, акциденций души как сущности. Но сама сущность души психологически непознаваема. Для психологии сущность и бытие души – то же, что для истории – жизнь людей. Только прожитая, актуализированная жизнь людей является предметом истории. Только душевная являемость, а не сама душа – предмет христианской психологии.

Глубинная душевная жизнь не может быть описана в терминах психических функций, ибо функциональность – иной уровень описания. Глубинная жизнь, глубинный опыт души могут быть описаны в экзистенциальных и антропологических терминах, а также в терминах гуманистической психологии (в некоторых современных ее формах).

Душа человека есть тайна Божия. Только Создатель знает «как устроена», «из чего состоит» душа, и главное, «как лечить» душу. Не могу не

вспомнить слова моего коллеги, собрата, священника-психолога протоиерея Бориса Нечипорова: «Ученому следует различать проблему и тайну». Наличие тайны, соприкосновение с ней, осознание тайны в поле исследования не умаляет достоинства профессионала. Напротив, настоящий ученый чувствует, где и как провести границу между познаваемым и непознаваемым в своей жизни.

Душа человека, с которой, как с научной категорией, мы имеем дело в христианской психологии, оставаясь тайной, раскрывается нам в многообразии человеческого опыта, в собственно душевной жизни, в опыте психическом, социальном, религиозном. (Аналогом может служить понятие социума, которое раскрывается в социологии, а не в психологии, или понятие невроза, не имеющего на сегодня психологической дефиниции, или понятие личности, заимствованное психологией у философии.)

Таким образом, понятие «душа» столь же обоснованно может быть категорией психологии, как и понятие «психика». Оно становится категорией, как только мы признаем за ним иной онтологический уровень. Душа не есть нечто: орган человека, его часть, или свойство. Душа – это, скорее, духовный способ видения и описания человека. Душа – это категория, позволяющая говорить о человеке как об энергии, как о потоке самобытно существующих внутренних событий и состояний. Душа есть понятие автономное в соотношении с психикой. Она ничем не детерминирована. Однако, ее свобода и автономия относительны.

Человек свободен. Это значит, что Бог, даровавший свободу, ее не отнимет. Но это также значит и то, что сам человек свою свободу ни завоевать, ни отнять, ни понять не может. Он может только ее освоить. Человек может дорости до своей свободы!

Антропология

Для христианской психологии богословской, мировоззренческой, философской основой является христианская антропология, в которой есть несколько принципиально важных моментов. Первый, основанный на христологическом догмате о двух природах во Христе, заключается в том, что человек – существо ипостасное, то есть личность. Человек никогда не есть только природа, но есть личностное. И все в нем, что природно, выражено ипостасно. «В человека все должно быть прекрасно», сказанное А.П.Чеховым, по-христиански может быть выражено словами «ипостасное бытие». Предназначение человека – стать богоподобной личностью. Причем так стать, чтобы ничего уже природного не осталось, но все преобразилось в ипостась.

Но что же это означает для психологии? Это значит, что в человеке нельзя видеть и познавать природу, в том числе и природу психическую, а можно видеть природу воипостазированную, персонифицированную, личностную. Это значит, что психическое всегда есть самобытно неповторимое и индивидуально личностное. Познание психического – это погружение в конкретно-личностное, а не погружение в общечеловеческое, номинативное, психологическое. Иными словами, случай Анны О., как пример психоаналитической практики З.Фрейда, который в психотерапевтических теориях может экстраполироваться на другие личности, не теряет личностных черт самой пациентки, наоборот, сохраняет эти черты. Здесь личностное – не просто канва симптома, но его суть. В психологии психическое всегда существует в личностном. Только в личностном мы и постигаем психическое. Нет ощущений или восприятий как таковых, есть ощущения и восприятия Чехова, графа Толстого или преподавателя Амвросия Оптинского, нет сознания вообще, но есть мое сознание.

Вот этот психологический аспект нам хотелось бы подчеркнуть особо. Почему, изучая мышление, память, сознание, восприятие, исследователь теряет целостное видение человека? Почему, зная закономерности всех психических функций, нельзя построить человека, даже описать нельзя? Я хорошо помню, как и многие из моих коллег, что после окончания МГУ мне было как-то неловко перед людьми, проблемы которых я не мог решить. Я знал, как формировался двигательный навык у машинистки и вязальщицы, как дергался ее зрачок и почему, я догадывался, что ее личностный портрет будет иметь невротический характер, мог даже поймать ее на тех или иных оговорках. Но я, как психолог, не мог помочь ей в ее отношениях с людьми, в ее отношении к своей жизни. Так и сейчас, знакомясь с коллегами, только окончившими психологические факультеты, невольно удивляешься: чему их там учили? Они не понимают, как формируется отношение человека к себе, как влияет самооценка на успешность, какую роль играют страхи в их жизни, как преобразить собственные неврозы в личностный рост. Однако, ни мое поколение психологов, ни нынешнее не виновны в том, что классический предмет психологии так далек от конкретного человека. Вероятно, такова историческая судьба психологии. Все мое время. Видимо, нужно было совсем потерять свой предмет, чтобы взяться за новые поиски предметности. И христианская психология считает, что нужно искать не предмет вообще, но искать человека, живую личность, конкретного носителя сознания, храм Духа Святого.

Уровни антропологического

Психическая реальность есть переплетение функционального, глубинного, мистического, телесного, но это всегда деятельность личности, но не сама душа.

Как увидеть глазами ученого полную картину живой психической реальности? Наверное, такая картина может быть только многомерной, или, как принято говорить в последние десятилетия, – системной. Однако системность предполагает единую парадигму познания. Человек, его психическая жизнь в широком смысле слова, то есть включающая душевную жизнь, собственно психику, духовный и личностный уровни, ставят принципиально новую задачу – *метаонтологическую*. Видимо, человека можно постичь только в онтологической методологии. Возможно ли это? Можно ли одновременно описать человека как образ Божий и как психическую личность? Как психофизическое тело и как живую душу? Здесь не просто – несовместимость категорий, взятых из совершенно различных дисциплин, но налицо различные культуры, и даже различная онтология.

Трудно не согласиться, что понятие психики было рафинировано в науке для теоретических нужд. При этом оно было деонтологизировано. Не только Г.П.Щедровицкий, но и другие методологи и теоретики психологии, говорили, что предмет психологии – не человек, не душа, и даже не свойства или качества человека, что психика или высшие психические функции есть не сущностное понимание человека, но некий дисциплинарный конструкт, поэтому его нельзя перенести в практику, не выстроив особого теоретического здания.

Привычная в христианской и, особенно, в аскетической традиции категория *«опыта»* не может легко прижиться в психологии. Но если мы поймем, что в психологическом дискурсе мы можем говорить о знании, навыке, комплексе, восприятию, а в аскезе – об опыте, то нам будет понятен путь нашего знания и практики как путь христианской психологии. Опыт может рассматриваться как совокупность ментального и эмоционального в человеке, но это было бы сужением понятия. В духовной практике опыт имеет структурный смысл. Есть уровни восхождения в духе, что означает переход от одного опытного «навыка» к другому. Опыт приобретает сущностные черты в аскетике древних отцов, да и в современной мистике исихазма опыт понимается как духовный фундамент последующего движения к высотам. В христианской мистике есть понятия «ветхий» и «новый» человек, и опыт есть скорее «душа» нового человека, в смысле действия, знания и добродетели.

Опыт самопознания, близкий интроспекции в психологии, опыт аскетики, открывает обширную область интереснейших для психологии явлений: помыслы, страсти, откровение, благодать и прочее. Особенно важно, что категория опыта является общей для антропологии, классической и христианской психологии. Опыт душевной жизни может быть рассмотрен на разных онтологических уровнях, так мы исследовали комплекс обиды. С точки зрения психотерапии, обида есть чувство и способ отношения с другим. Ее характеристики в личностном опыте более или менее известны. Понятно также, какую роль играет обида в истории личности. Однако нас интересует здесь не только психологический срез. В духовном опыте обида является грехом, и имеет нравственную альтернативу – прощение, смирение. Аскетический опыт с древнейших времен исполнен прощением и покаянием в грехе обиды. В психотерапии мы сейчас чаще используем такой духовный опыт. Появилось немало работ, в которых прощение рассматривается как психологическая и психотерапевтическая реальность. На наш взгляд, комплекс обиды (и прощения) может рассматриваться и как сущностное (душа – грех – Бог – покаяние), и как психотерапевтическое (выявление – осознание – опыт прощения), и как психологическое (комплекс отношения – поведенческий навык – личностный навык) явление. Нам представляется возможным и плодотворным рассматривать тот или иной духовный и душевный опыт как психологическую и антропологическую реальность. Важно при этом не забывать о категориальных различиях и онтологических уровнях. Такой взгляд несоизмеримо труднее методологически однородного и дисциплинарно выверенного подхода. Но к человеку иначе подходить и нельзя.